

16+

Евгения Черноусова

**Злоключения
на Острове Невезения**

Евгения Черноусова

**Злоключения на
острове Невезения**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Черноусова Е.

Злоключения на острове Невезения / Е. Черноусова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Островом Невезения назвала героиня этих историй деревню Второе Рясово, где живут никому не нужные одинокие люди при полном отсутствии элементарных бытовых условий. Но бывает, что попадают сюда другие представители современной цивилизации: чёрные риелторы, аристократы, модели, бандиты.

Содержание

Весна. «Оставлен в подозрении»	5
Лето. «Когда Адам пахал, а Ева пряла»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Весна. «Оставлен в подозрении»

В дверь позвонили. Марья Кузьминична лепила котлеты, поэтому открыла не сразу. Пока отчистила руки от фарша, пока помыла, вытерла. Но звонивший был настойчив. Открыла:

– Ну?

Сонька, соседка. Зачастила:

– Ой, Марь Кузьминична, сказали, воду сейчас отключат. До вечера! Наливайте, пока не поздно!

– Спасибо, Сонь!

Кинулась в ванну, достала вёдра с полки, поставила под кран. Вода шла уже без напора. Ругнулась: Сонька, небось, всю посуду залила, а потом уж пошла соседей предупреждать! Успела набрать полтора ведра, и кран захрипел. Всё!

В последнее время воду отключали то и дело. Сын на мойке работает, значит, рабочий день закончен, минут через пятнадцать придёт. Невестка в собесе бухгалтером, она иногда обедает дома, может, бог даст, сегодня пропустит. Но не повезло. Почти одновременно появились оба. После ссоры ничего не наладилось, и теперь уже не наладится. Они общались, но через силу, внуков бабушка игнорировала вообще. Успела супа похлебать и помыть за собой посуду, как ключ в дверях загремел. Демонстративно уходить мимо них в спальню было бы нелепо, поэтому она зашла в ванную и стала сортировать грязное бельё.

Вова и Таня сели обедать. Каждая из сторон чувствовала себя правой, и идти на примирение не собиралась. Матери и сыну, молчунам по натуре, это переносить было легче. А Татьяну буквально распирало. Она рассказывала мужу о какой-то своей сослуживице, он молчал, и только неопределённо мычал, когда она восклицала: «Ты представляешь?!» Тут Татьяна телефон позвонил. Она сначала буркнула что-то невнятное, а потом завопила: «Да ты что!» А потом началось: «А он?», «Насмерть?», «Уже арестовали?», «Кошмар!» и так далее. Когда разговор закончила, сказала:

– Ты слышал? Твоя-то бывшая Кольку Шумова убила!

Вова по инерции промычал, а потом до него дошло:

– Ты что несёшь?

– Да! Тонька сейчас звонила! Зарезала его, и сама заорала! Соседи набежали, полицию вызвали! Она вся в крови!

– Да ерунда, – неуверенно возразил он.

– Я тебе говорю! Тонькину мать понятой взяли!

До Марьи Кузьминичны дошло. Она метнулась на кухню:

– Ты что говоришь? Наташу арестовали?

– Да, вот представьте себе, – откинувшись на спинку стула, с торжеством сказала она. – Хорошая невестка у вас была? Со своей квартирой! А теперь у неё и вовсе бесплатная квартира будет на долгие годы!

Марья Кузьминична поглядела на неё с презрением:

– Теперь, наверное, ты у меня в любимицы выйдешь. Добрая женщина, ишь, как обрадовалась, что Вова-младший с нами жить будет!

Лица вытянулись у обоих. Вова сказал:

– Мам, ты что?

– А что ты думал? Мать в тюрьме, но отец-то – вот он! Пошла я за ним, а вы пока место готовьте. У меня тесно, придётся вам в комнату складной диванчик втиснуть.

На ходу застёгивая пальто, она хрястнула дверью. Бежать было недалеко, всего два квартала. Во дворе к ней с рыданием бросился внук: «Бабушка!» Она крепко прижала его к груди и сказала:

- Вова, никому не верь! Всё будет хорошо!
- Меня не пускают...
- Меня пустят!

Огляделась вокруг. У подъезда стояла и глазела на них Анна Ивановна, санитарка из терапии. Марья Кузьминична спросила её:

- Ань, у тебя дома кто есть?
- Дочь гостит.

– Может она за внуком моим минут пятнадцать посмотреть?

– Пошли, милый, у нас сегодня плов на обед. И чай она тебе нальёт. С черничным вареньем! Не спорь, дай бабушке твоей время, она сейчас всю полицию построит. Я её знаю!

Марья Кузьминична ещё дождалась у дверей живущую на первом этаже Анну, расспросила её, а потом устремилась по лестнице на третий этаж. В подъезде кучковались соседи. На втором этаже рыдала у двери девочка-подросток. Дорогу в Наташину квартиру преградил полицейский: «Сюда нельзя!» Она ему сказала:

– Серёжка, отойди, не доводи до греха! Мне – можно!

И прорвалась в квартиру.

В этом преимущество маленьких городов: все всех знают. Вот в прихожей стоит участковый Владимир Иванович. Он моложе лет на десять, но знает Марья Кузьминична его близко по жене. Она тоже медсестра, в реанимации работает. Не подруга, но в общих компаниях гуляют. Вот Сашка, полицейский. Однофамилец и даже родственник: мужа двоюродного брата сын. Племянничек, стало быть. Ещё один полицейский, как же его... Павел, да! Года два назад оперировали его, пулю схватил при задержании. Вячеслав Михайлович, следователь. Тоже оперировали, но не по ранению. Желчный ему удалили. Терпеливый он. Обезболить его забыли эти палатные вертхвостки. А он молчал. Вот алкоголик Дмитриев, патологоанатом. Считаю, свой. Понятые – звать как, Марья Кузьминична не знает, но баба из РОНО, а мужик – пенсионер с комбината, ещё у них в охране немного работал.

Наташка, невестка бывшая. Сидит на стуле у стола, но спиной к нему, глядит на неё отчаянными глазами. Руки в крови, на животе кровь, волосы слипшиеся, видно, рукой хваталась.

- Наташ, ты что, реанимацию проводила?
- Марья Кузьминична, я думала, он живой ещё!
- Небось, и нож выдернула?

– Да, – прошептала виновато.

– Так, мальчики, – она имела право так их назвать, все моложе. – Вы её сфотографировали? Описали? Опросили? Можно, я её умою и переодену?

Переглянулись Вячеслав Михайлович и Сашка как старшие в этой тусовке. Следователь рукой махнул, видать, по больнице запомнил, что спорить с ней – себе дороже. Сашка сказал:

– Конечно, тётя Маша.

Марья Кузьминична подошла к шкафу и спросила:

– Здесь всё трогать можно? Вещи собрать?

– Да конечно, тётя Маша, – и не удержался. – Наташке бы такой грамотной быть.

– Я, Саша, детективы люблю читать. И на трупы и ранения нагладелась за свою жизнь. Только в такой ситуации ни разу не была... ну, чтобы не с посторонним, а с близким. И посмотрела бы я на тебя, как бы ты умно поступил, если бы увидел с ножом в груди, к примеру, свою Любашку.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – замахал на неё Сашка.

– Ещё вопрос. Вы её заберёте?

– Да.

– Тогда надо спортивный костюм. Есть у тебя, Наташа?

Старалась действовать деловито, не показать свой страх. Наташка и так испугана. Зашли в ванную. Пустила воду: ага, дали. Или у них на улице не отключали?

– Зачем, Марья Кузьминична... просто под краном...

– Ещё чего! Тут размачивать и размачивать!

Усадила её в ванну, одежду замочила в тазу, стала волосы ей слипшиеся оттирать, спрашивая при этом. Да, поругались накануне. Об этом Марья Кузьминична уже знала от Анны. Ключ? С этого и начали. Она, конечно, ключ у него отобрала. Да не давала она ему его! Как можно постороннему мужику, у неё же дети! И не собиралась она с ним сходиться. Так, лекарство от скуки, встречались иногда в обеденный перерыв. А ключ... ключ Вова потерял. Ну, попросила она Кольку у зятя в мастерской дубликат сделать. Наверное, он себе лишний и заказал. А узнала как? Да поняла, что бывает здесь кто-то в её отсутствие. Что-то не так стоит, что-то не там лежит. Брать у неё нечего, но зачем-то же приходил в её отсутствие. Неприятно. Противно! Отобрала ключ и сказала, чтобы дорогу к ней забыл. Марья Кузьминична поняла, что-то невестка не договаривает. Но настаивать не стала. Может, любовь у неё:

– Быстро про сегодня рассказывай!

Пришла раньше, потому что на молзаводе знали, что воды не будет. Приёмку закончили, дежурных оставили, остальныхпустили. Никуда не заходила. Хотела хлеба купить, потом подумала, что, наверное, ещё масло подсолнечное надо... решила сначала зайти домой, в холодильник молочку поставить, ну, что в заводском магазинчике взяла, и посмотреть, что ещё прикупить. Зашла, дверь распахнутой оставила... ключи? Не помнит... нет, точно, ключи в дверях остались, она же на минуточку. Пальто сняла? Да, потому что в туалет захотела. Потом в ванну, руки помыть, там на всякий случай под ванной кастрюля старая с водой, потом на кухню, проверила, чего не хватает... да, кран покрутила, заметила себе, что воды надо купить бутылку, а то ведь не запасла. А в комнату пошла за полотенцем. Да, точно! Когда руки вытирала, обратила внимание, что полотенце мокрое. Кинула в корзину. Неприятно это зацепило, но не дошло, что Колька вытирался. Отобрала ведь ключ! А он лежит. Кровь... страшно... жалко! Думала, раненый. А он!

Вышли из ванной. От двери отпрянул Сашка и нагло так сказал, засовывая в карман диктофон:

– Вот видишь, сколько всего вспомнила для тёти Маши. А полиции только твердила: ничего не помню, ничего не знаю! Всё, пойдём, закончили мы!

– Подождёшь, – оттолкнула его Марья Кузьминична. – Волосы нам высушить надо. Наташ, у тебя фен есть?

– Откуда?

– Сейчас, – вышла на лестничную площадку и сказала, обращаясь вниз, где по-прежнему стояли соседи. – Женщины, одолжите фен на пять минут. Ну? Не думаете же вы, что эта овца безрогая всерьёз может кого-то убить!

– Я дам, – сказала понятая, и скрылась за соседней дверью. – Вот.

Марья Кузьминична усадила Наташу на тот же стул и воткнула фен в розетку. Под его шум она спросила Сашку:

– А скажи-ка, мил человек, нашли ли вы ключ, которым покойник дверь открыл? И закрыл потом, после того, как его зарезали?

– Не было ключа. Значит, Наташа дверь ему открыла!

– Кто-то видел, как он пришёл? – мужики промолчали. Правильно, не обязаны они ей отвечать. Тогда ещё спросить надо. – Но ведь как Наташа пришла, наверняка видели! Одна ведь она шла, да?

Похоже, что так. Надо дальше нападать, пока не опомнились.

– И что Шумов у двери стоял, Наташу поджидая, тоже ведь никто не видел? А народу-то сегодня много по подъезду сновало, с производства сегодня рано людей отпустили из-за

воды! Значит, не ждал! И на теле у Наташи следов драки нет, так ведь, Дмитриев? Это внесли в протокол?

– Кончай следствие вести, Кузьминична, – решил урезонить её Сашка.

– Сейчас. Понятые, вы видели, что нет на ней синяков и ссадин? А то в тюрьме побьют и скажут, что так и было! Дмитриев, а покойник не побитый?

– Тётя Маша, может, Шумов вообще здесь ночевал, – сказал Сашка.

– Может. Только и тогда его кто-то видеть был должен. Да мать скажет, где он ночевал! Слышишь, она там внизу голосит, Наташку прокликает! Уже аж из Ветошников принеслась! И ещё Вову можешь спросить, ночевал ли у них Колька!

Сашка выскочил из квартиры и понёсся вниз, прыгая через две ступеньки. Все толпой вышли следом: Вячеслав Михайлович, понятые, Марья Кузьминична, держащая за руку Наташу, Павел, прицепившийся к ней с другой стороны, Владимир Иванович последним. Прикрыл дверь и достал бумажную ленточку.

– Володя, ты что, опломбируешь дверь? Не имеете права! Кроме Наташи здесь ещё двое детей проживают! Павлик, отцепись от Наташи, не позорь её, никуда она не убежит!

– Так ключи у эксперта...

– Да шут с ними! У внука сейчас возьму! Ань, давай Вовку сюда!

Вова вцепился в мать. Наташа зарыдала:

– Вова, Нюся в садике!

– Ему её отдадут? Не волнуйся, пригляжу за обоими! Наташка, держись! Никому не верь, говори только правду и стой на своём!

Марья Кузьминична придержала внука, пока Наташу запикивали в машину, вытащила у него из кармана ключи и спросила:

– Ань, убрать квартиру возьмёшься? Заплачу!

– Ты что, Кузьминична, за мздоимство бог накажет. Я так, по-соседски!

– Ерунда! Каждый труд должен быть оплачен. Только экскурсии в квартиру не води. Ковёр выброси!

– Марья Кузьминична, – вмешался понятой. – В автомойке, которая на выезде, ковры берут в чистку. Моют очень хорошо!

– Нет, такая память нам не нужна. Выбрасывай!

– Вот и оплата, Кузьминична. Я её ковром возьму. Я не брезгливая.

Вышли со двора, и Марья Кузьминична задумалась. В квартиру сейчас детей пускать нельзя. К себе домой вести внука она не хотела. И невестка, и дети будут его обижать. А сын отстранится, он к Вове абсолютно равнодушен. А маленькая девочка, которая никому из них не родня? Наташка её от второго мужа родила. Даже не мужа, так, сожителя. Схватила за телефон, набрала золовку:

– Женя, ты можешь принять нас на одну ночь? Меня и двух детей? Наташиных детей?

Золовка замялась. Марья Кузьминична вспыхнула:

– Женя, если ты против, так и скажи! Я больше тебя не побеспокою.

– Ты что, Маша! Я просто прикидываю, что вам на обед...

– Мы с Вовой пообедали, а Нюся в садике. А вот если ужин нам предложишь, мы с удовольствием.

– Ну, и всё в порядке. А ты сразу обижаться!

С золовкой они общались вполне по-родственному, но не близко. В гости друг к другу ходили редко. Но другой родни у неё просто не было. Женя ждала их в дверях. Сердечно обняла внучатого племянника:

– Вовочка! Пойдём, умоешься, ишь, как грязными руками физиономию разрисовал. Ну, чисто индеец Чингачгук!

Вова хихикнул. Марья Кузьминична успокоилась: в последние годы Женя чаще общалась с внуком, чем даже она, родная бабушка, и отношения у них были вполне сердечные. Позвонила в садик, спросила, нужно ли приходить за Нюсей Огородниковой с братом, или её отдадут ей так. Заведующая заверила, что отдадут, но посоветовала прийти всё же с мальчиком, если малышка её не очень хорошо знает.

Пошла домой. Невестка наверняка ушла, а вот Вова лежал на диване у телевизора. Молча прошла к себе, сложила в пакет халат, тапочки и бельё, прикидывая, что ещё потребуется на ближайшие три дня. Марья Кузьминична всё обдумала по дороге, и пришла к выводу, что Наташу отпустят на третий день. Решение об аресте принимает суд, а для суда улики слабоваты. Завтра надо зайти в полицию и посоветоваться с Сашей, стоит ли уже нанимать адвоката.

Ткнулся в дверь сын:

– Мам, Наташку арестовали? – она кивнула. – Что, нам теперь в самом деле придётся Вовку забрать?

Оказывается, дома были и Татьяна, и её дочь. Они вышли из кухни и нагло слушали.

– Господи, сын, а ведь ты предатель! Тебя только и волнует, что придётся ещё одну койку в это общежитие втиснуть! А что сын твой сирота при живых родителях – это тебе по фиг.

– Его, между прочим, ещё и кормить придётся, – вмешалась Татьяна.

– Ну, если твоя дочь здесь ест, то почему его сын на это права не имеет?

– Я больше Вовы получаю! Я сама свою дочь кормлю!

– Татьяна, я твою дочь куском не упрекаю. Я занималась с ней, пока она хамить не начала. Вот что я скажу вам, дети мои. Все люди смертны. Это естественно, что я умру раньше вас. Но не надо ждать моей смерти ради получения половины двухкомнатной квартиры!

– Почему половины? – вылетело у Татьяны.

– Потому что у меня два сына.

– У Валерки есть квартира, – возразил толстокожий Вова.

– Да, он заработал её своим трудом. Но с чего он откажется от родительского наследства? Ему ещё сыновьям образование давать надо.

Такая простая мысль супругам Огородниковым просто в голову не приходила. Они переглянулись растерянно.

– И вот ещё, коли у нас сегодня наметилось выяснение отношений, что я вам скажу. Смертна не только я, но и вы. Татьяна, если завтра ты безнадежно заболеешь, или тебя переедет паровоз, или зарежет случайный прохожий – кому будут нужны твои дети? Вова так легко отрестился от старшего сына, что у меня большое сомнение, станет ли он растить младшего. Найдёт новую бабу и снова ляжет на диван! Скажешь, мать или сестра? Они прошлый раз даже на дне рождения Ваню видеть не захотели.

– Вы... вы меня всегда ненавидели! Меня и моих детей!

– Неправда. Я больше занималась твоими детьми, чем твоя мать. Разве не так? Твоя мать вас выгнала, а я приняла. Хорошо мне на шестом десятке в своём жилище угол искать? Ты это поймёшь только, когда твои дети тебя в угол загонят!

Зазвонил телефон, номер незнакомый:

– Марья Кузьминична, это из детсада. Сейчас из опеки позвонили, собрались за Нюсей приходить. Я им сказала, что вы её уже забрали.

– Бегу!

– Пулей давайте! Мы её сейчас одеваем, а потом нянечка выведет на Храмовую улицу.

Марья Кузьминична оделась и побежала, опять застёгиваясь на ходу. На Храмовой она увидела идущую навстречу женщину с маленькой белобрысой девочкой. Бойкая девчонка спросила весело:

– Ты сегодня будешь моей бабушкой?

– Мы сказали, что сегодня мы будем играть в гостей у бабушки, – пояснила нянька, поворачивая назад.

– Я вообще теперь буду бабушкой, твоей и Вовиной.

– Правда? У меня ещё ни разу не было бабушки, – обрадовалась Нюся.

– А мы сейчас ещё к одной бабушке пойдём в гости, к бабе Жене. А она нам ужин готовит. Только давай мы по дороге ещё что-нибудь вкусное купим!

– Давай, бабушка! Я что-нибудь вкусное очень люблю!

Женино сердце Нюся растопила за пять минут. Она позволила ей даже немного попрыгать на своей кровати! И отдала ей на разорение кухонные часы в виде пластмассовой избушки, окружённой ёлочками.

– Эх, Машка, неполноценные мы бабки! Одни пацаны у нас: сыновья, внуки. Погляди, какая девочка ласковая! Мальчишки такими не бывают.

Вова, переживший сегодня очень многое, зевать стал даже раньше Нюси. Уложив детей, они сели на кухне чаёвничать.

– Ты извини, Жень, что я так агрессивно на тебя... я так сегодня переволновалась!

– Да что ты, Маша. Мне Вова рассказал, как ты ситуацию разруливала.

– Зря ты с ним об этом.

– Он сам захотел. Ему надо было излить свои страхи. Как ты за Наташку бросилась сражаться! А мне казалось, ты её не любишь.

Марья Кузьминична невесело пошутила:

– Нет такого закона, чтобы невесток любить. Больше всех из них я люблю Валеркину Юлю, потому что за шестнадцать лет видела её три раза: на свадьбе, потом, когда в гости к ним приезжала лет десять назад и ещё раз, когда они у нас гостили. Наташу, что греха таить, я терпеть не могла. Они сошлись, когда ему было восемнадцать, а ей двадцать один. Он институт бросил! Теперь-то я понимаю, что он так или иначе его бы бросил. Ленивый и безвольный. Жили у неё, благо от её матери квартира осталась. Но когда он к Татьяне ушёл, до меня дошло, что может быть и хуже. А уж когда они вчетвером ко мне жить пришли, тут уж я взвыла!

– У вас что-то произошло в последнее время? Если не хочешь, не рассказывай.

– Просто терпение лопнуло...

С тех пор, как Марья Кузьминична вышла на пенсию, она возненавидела субботы. В этот день рано вставать должна была только школьница Танечка. Когда она начинала её будить, девчонка брыкалась, ругалась и снова засыпала. Если от скандала просыпался Ванечка, истерил ещё и он. А их родители выражали недовольство ей.

Вот и в позапрошлую субботу она оторвала от подушки включенную голову и завизжала: «Отвянь, бабка!» И Марья Кузьминична отвяла. В конце концов, оно ей надо? Внучка не её – и заботы не её. А квартира её. Только вот три с половиной года назад пришёл младший сын с семьёй и стал здесь жить. В двухкомнатной квартире! Сначала они заняли зал, потом тихой сапой переселили её в спальню Танину дочь от первого брака, а теперь и кроватку Вани сюда воткнули, мол, большой уже, неудобно с родителями. Пока она работала, было ещё терпимо. А сейчас, когда она целыми днями дома, сил уже нет! Что-то надо менять.

Решила пройтись. А куда можно пойти субботним утром в маленьком провинциальном городке? Только на рынок. Но в половине восьмого торговцы ещё только подъезжали и раскладывали товар. Она прошла по центральной линии и решила съездить на вещевой рынок, который в посёлке комбината. Больше часа ходила, разглядывала товар, но так ничего и не купила. Да ей и надо было только время провести. На выходе уже столкнулась с школьной подругой, которая жила в этом посёлке, да и торговала здесь. Настроилась поболтать, но та сказала, что сегодня не торгует, а собирается на похороны. Чьи? Нины Фёдоровны. Марья Кузьминична горестно охнула. Покойнице было 82, хорошо пожила, но это была её любимая учительница. С пятого класса их вела. От неё у Марьи Кузьминичны любовь к чтению. Обсудили, с чем

поехать, но решили, что венок тащить хлопотно, купили в цветочной лавке по паре розовых гвоздичек и поспешили на автобус.

Дома она появилась ближе к часу дня. На стук входной двери выглянула из кухни невестка и сказала возмущённо:

– Марья Кузьминична, Танечка пропустила контрольную! Почему вы не предупредили, что уйдёте рано?

– А что, должна была? Так скажи мне сразу всё, что я должна в своём доме.

– Вов!

Из зала выглянул сын. И со злостью сказал обеим:

– Почему я должен вникать в ваши дразги в свой выходной день?

– Вот пожалуйста! У неё – свой дом, у тебя – свой выходной, а что у меня?

– А у тебя – своя мама со своим домом и своя дочь, которую хоть иногда надо воспитывать, – отрезала Марья Кузьминична и захлопнула за собой дверь ванной.

Больше всего она рассердилась на собственного сына, который ни во что не желал вникать. К обеду она не вышла, благо на поминках наелась. После пяти сварила себе манной каши. Когда ела, Татьяна зашла на кухню и стала сердито греметь посудой. Только Марья Кузьминична собралась встать из-за стола, как в спальне что-то грохнуло. Она вбежала туда и увидела, что внук стоит над разбитой вазой. Вазочка была копеечной, но её в четвёртом классе Маша подарила своей маме на 8 марта. Они тогда собирали макулатуру, и на полученные деньги купили эти вазочки и устроили мамам чаепитие. Первый заработанный подарок! Жалко до слёз, но Ваня сделал это специально. Мать не раз ехидничала над старой посудой, которую свекровь не желала выбрасывать и хранила в серванте, поэтому и полез туда. Да ещё краем глаза она заметила с трудом сдерживаемую ухмылку на лице Татьяны. Она подошла к внуку и сказала:

– Это была память о моей маме.

– Память, – засмеялся Ваня. – Бе-е!

– Да. Тебя я тоже теперь забуду.

Повернулась и пошла на кухню. Стекло затрещало под ногами. Татьяна подхватила сына на руки:

– Что вы делаете, ребёнок обрежется! Сами-то вон, на толстой подошве! Топаєте тут по утрам!

– Тут – это в своём доме!

Марья Кузьминична вернулась на кухню, помыла за собой посуду и закрылась в ванной. Уже лёжа в наполненной ванне, услышала шум пылесоса. Вот так-то, а ты думала, я утрюсь как всегда и кинусь за вами убирать?

Потом она снова вернулась на свой диван и читала до вечера. Утром в воскресенье пила кофе и читала на кухне, пока домашние не зашевелились. Тогда она оделась и ушла. Ещё вчера прикидывала, куда бы пойти, и решила сходить прибраться на кладбище. Там обдумывала, где переждать этот выходной, и тут позвонила Надя, медсестра из реанимации. Она сказала, что проставляется сегодня в больнице по случаю дня рождения, потому что в другие дни нельзя – новое начальство гайки закручивает. Вот и нашлось, где время убить!

Когда сели за стол, зазвонил телефон. Сын. Отключила. Сидели часов до четырёх. Потом помогла Наде донести до дома сумки, потом пошла в библиотеку, набрала книг и потрепалась часок с библиотекаршей, благо кроме неё посетителей не было. Уже поворачивая к дому, стала вспоминать, что можно сготовить на ужин, и решила не напрягаться. Повернула назад и зашла в кафе «Селезень».

Занесла в гараж хозяйственную сумку с маленькими грабельками и веником, которые весь день носила с собой. Вспомнила, что дома кончается картошка. Включила свет и полезла в

подпол. Ну, а в подполе поняла, что надо бы перебрать картошку. Когда вытаскивала очередное ведро гнили, увидела в воротах Ваню:

– Бабка, ты что тут делаешь?

По сердцу полоснуло. Не ответила. Высыпала ведро в мешок и вернулась в подвал. Заканчивая работу, слышала голоса внука и сына. Когда вылезла, уже закончив работу, мешка не было. Значит, сын вынес в контейнер.

– Ты это нарочно? – спросил Вова, когда Марья Кузьминична без сил вытянула ноги под кухонным столом.

Она только взглянула на него и промолчала.

– Ты знала прекрасно, что у Людмилы сегодня день рождения!

– Кто мне Людмила, чтобы помнить, когда у неё день рождения?

– Но мы собирались!

– И что?

– А ты не могла посидеть с внуком?

– Меня об этом никто не просил!

Ну, и так далее. Она должна была посидеть с Ваней, потому что Людмила предупредила: ваш сын невыносим, на семейном празднике ему делать нечего. То есть та родня его не выносит, а она должна выносить. И терпеть его грубость, которой в семье учат. В результате Татьяна с дочерью отправились в гости, оставив Вову в няньках. Сын обозлился, потому что был настроен на пьянку.

– Вот такие у нас дела, Женя, – закончила она. – Все, конечно, виноваты. Но невозможно справиться с внуками, это не дети. У них свои родители есть. И если родители не уважают своих родителей, то внуки бабушку слушать не будут. Жили бы мы отдельно, я бы, наверное, раньше от них прятаться начала. Можешь меня осуждать, но у меня уже нет сил... господи, как я хочу жить одна!

– Три с половиной года я бы не выдержала. Сдохла бы на втором месяце.

Назавтра, отправив Вову в школу и заведя Нюсю в садик, Марья Кузьминична отправилась в полицию. Саши не оказалось на месте. Зашла в приёмную: «К начальству можно?» Секретарша вполне благожелательно ответила: «Зам устроит?» Зам устраивал вполне. Были они знакомы по донорским делам. У Ивана Ивановича кровь первая отрицательная, такие у них наперечёт.

Встретил её ухмылкой, обещал, что Наташу завтра отпустят. Почему не сегодня? Формальности. Как она из областного центра добираться будет? Её ведь из дома взяли даже без кошелька? Решим вопрос.

Значит, адвоката нанимать не надо. Уже легче. Спросила заодно про опеку. Отмахнулся. Пояснила, что детей двое, и младшей она никто. А отцова родня? Они не расписаны были, так что записана девочка Огородниковой. По её настоянию позвонил в детский сад и предупредил, что мать ребёнка освобождена, и поэтому у опеки изымать её из дошкольного учреждения нет оснований. Изъявил желание осмотреть квартиру.

– Обыск? – испугалась она. – Только Анька от предыдущего квартиру отмыла.

– Да нет. Просто посмотрю.

Заехали к Анне Ивановне в больницу за ключами, приехали в дом. Отдать должное, разулся. Прошёл в комнату, потом заглянул на кухню, пощёлкал выключателями в ванной и туалете. Потом спросил:

– Слушай, Кузьминична, женщина ты проникательная, вопросы правильные задавала. Почему, кстати, Саше она вообще ничего не сказала, а тебе выложила всё как на блюдечке?

Марья Кузьминична фыркнула:

– Ты бы видел, в каком виде он её допрашивал! На полу покойник, а она вся в крови! А я её пытала в ванне с лавандовой пеной.

– Новое слово в уголовно-процессуальном кодексе. Надо будет попробовать как-нибудь допросить кого-нибудь этак.

– Представляю себе! В ванной, к примеру, нежится Витя Калитин, а над ним ты в клеёнчатом фартуке.

Посмеялись. Витя был местной достопримечательностью. Как попал в тюрьму по малолетке, так и ходил на очередной срок как в баню. Появится в полуразрушенном родительском доме на несколько недель, максимум месяцев – и снова загремит на нары по какому-нибудь пустяковому делу. Не работал принципиально. Как-то Марья Кузьминична расспрашивала его о жизненных планах, когда он у них в отделении с аппендицитом лежал. Он иной жизни не желал, как только попасть в тюрьму по более серьёзной статье, чтобы сокамерники уважали. Но садился всё по хулиганке или кражам. Абсолютный балбес. Сейчас у него как раз были каникулы между отсидками.

– Так вот, спросить я тебя о чём хотел? Как думаешь, чего Шумову в этой квартире нужно было?

– Сама в недоумении. Тут одно из двух. Или прятал, или искал что-то. Но что можно утаить в однокомнатной квартире, где двое детей? Они найдут даже то, о чём ты сам давно забыл!

– А историю квартиры ты знаешь? Кто до Натальи ею владел?

– А что тут не знать? В семидесятых дом построен. Квартиру бабушка получила от комбината. На себя и на дочь. А через год дочь Наташку в подоле принесла. Так и жили. Фамильных драгоценностей не было, военными секретами не владели. Так что прятать им было нечего.

– А Шумов?

– Не женат. Жил с матерью. Дом большой, когда сестра вышла замуж, перестроили на два выхода. Если что прятать, возможностей больше. Там и надворные постройки, если в доме не получается.

Звонок. Марья Кузьминична без опаски открыла дверь. Две дамы – Валька Акименко из опеки и её тёзка, сестра бывшего Наташиного сожителя, отца Нюси. Так вот откуда ноги растут!

– И что вам здесь надо?

– Эта квартира принадлежит несовершеннолетним, и вопрос о ней будет решать опека, – выпалила Акименко.

Тихо вышел из комнаты Иван Иванович:

– Разувайтесь, дамы, и проходите. Вы очень кстати. Мы с Марьей Кузьминичной голову ломаем, кому эта квартира могла понадобиться. А тут, как говорится, на ловца зверь сам прибежал.

Расчёт тётки оказался прост. Жила она почти в таких же стеснённых обстоятельствах, как Марья Кузьминична: дочь, зять, внук. Вот и решила установить опеку над племянницей, жить с ней и получать опекунские. А Вову куда? А Вову к родному отцу. Планы были идиотскими, о чём можно было просто сказать. Но Иван Иванович желал поприкалываться. Он с серьёзным видом предложил свою помощь в перевозе девочки к тётке в квартиру. Почему к тётке? Потому что собственница квартиры – Наталья. Наследница? Наследники у покойников, а Наталья живёхонька. Так что забирайте ребёнка, только документы о родстве предъявите. Ах, нет? А как вы хотели всё это оформить? А у вас случайно нет ключа от этой квартиры? Может, вы гражданина Шумова убили, чтобы гражданку Огородникову посадить и её квартирой овладеть? А с вами, Валентина Ивановна, мы будем отдельно беседовать. В чём ваш интерес? Почему вы пошли в чужой дом с такой подозрительной гражданкой?

Доведя гостей до икоты, проводил и сказал:

– Да, насчёт ключа. Один Вова потерял, один предположительно убийца унёс, один у нас у экспертов. Не много ли? Смените вы замок ради бога! И выпросите у Натальи, что всё-таки не так в этой квартире!

– Иваныч, а оно мне зачем теперь, если Наталью оправдали?

– Было в старом российском судопроизводстве такое выражение: «Оставлен в подозрении». Примерно это на деле получается, когда преступник не найден. Поверь моему опыту: не так важно наказать виноватого, как защитить от подозрений невинного!

Очень скоро Марья Кузьминична эти слова вспомнила.

Как Иван Иванович обещал, Наташа приехала назавтра ещё до обеда. Привезли её на полицейской машине. Марья Кузьминична увидела это с лоджии, где вывешивала бельё, и встретила её в дверях. И была поражена, как Наташа изменилась за эти двое суток. Сразу вспомнила разговор о методах допроса. Сказала:

– Одежду – в машину, сама – в ванну! Истребить казённое амбре!

Ни о чём не стала расспрашивать, просто дала возможность отмокнуть и выспаться. Вернувшись из школы Вовке велела не шуметь. Он есть отказался: «Я с мамой!» У Марьи Кузьминичны слёзы наворачивались, когда он крутился у дверей комнаты, как щеночек, которого в дом не пускают. Ведь в отсутствие матери вёл себя обычно: озоровал, смеялся. А сам переживал!

Наташа попросила не уходить хотя бы сегодня. Марью Кузьминичну тревожило её состояние, поэтому осталась: «Ладно, на полу заночую!» Приглядываясь, замечала: боится выйти на люди, вздрагивает от внезапного звука или движения. Решительно сказала:

– В садике уже полдник. Пойдёмте все вместе Нюсю забирать!

Наташа готова была отказаться, но Вова так шумно обрадовался, что она стала собираться. И на улице она была всё такая же: вцепилась в локоть Марьи Кузьминичны и вздрагивала, когда с ней здоровались. Выйдя из садика, Нюся растерялась, с кем за ручку идти, она и с мамой хотела, и с бабушкой, и с Вовой.

– Тут одно из двух: или третью руку отрастить, или Вова за ногу тебя будет держать, – сказала Марья Кузьминична.

Ребятишки визжали, толкались, Наташа тихо улыбалась, постепенно оттаивая. Потом Нюся сказала:

– Бабушка, давай купим что-нибудь вкусное и пойдём к бабе Жене!

– А хорошая мысль!

Марья Кузьминична ей позвонила из гастронома, попросила поставить чай. Опасалась немного реакции золовки, и с изумлением увидела, что она тронута вниманием. Уходила с чувством вины: если бы не ребёнок, ей бы и в голову не пришло поблагодарить Женю.

Утром, проснувшись на полу, с трудом повернулась, так сковало спину. И обнаружила, что ночью ребятишки перебрались к ней на это прокрустово ложе со своими одеялами и подушками. Встала на четвереньки и увидела, что Наташа сидит на диване с выпученными глазами и трясущей рукой показывает на её подушку:

– Там... что-то ползёт...

Марья Кузьминична охнула, встала на колени и выхватила из-под одеяла котёнка за шиворот:

– Это Васька. Опять Нюся его в комнату притащила!

– Ну, бабушка, – подняла голову Нюся. – Я ночью проснулась, а Вася боится. Я его к тебе положила. С тобой не страшно!

– А сама как здесь очутилась?

– Ну... чтобы Вася совсем не боялся.

– Так. А Вова у нас почему здесь?

– Что я, рыжий, на кровати спать?

Наташа уткнулась в подушку лицом и хохотала:

– Васька... рыжий...

– Ну, кажется, нам пора переходить на нормальные условия жизни.

Марье Кузьминичне теперь можно было заняться своими делами. А дела были такие: она решила уехать.

Когда она рассказывала золовке о ссоре в их семье, об этом решении она рассказывать не стала. А что ещё она могла придумать? После тех скандальных выходных Марья Кузьминична совсем пала духом. И так тяжело жить в такой скученности, а в состоянии всеобщего недовольства – и вовсе невыносимо. Было у неё ещё одно дело: истекал срок её вклада в коммерческом банке, и надо было решить, куда его переложить. Деньги были небольшие, то, что накопилось за три с небольшим года, в которые она и работала, и пенсию получала. Пока никого не было дома, включила компьютер и стала проглядывать предложения банков по пенсионным вкладам, отмечая для себя, что в областном центре возможностей больше. И тут наткнулась на предложение строительной компании. Из любопытства посчитала, сколько нужно платить по ипотеке за однушку. Если бы у неё были деньги на первоначальный вклад, она могла бы переехать в областной центр, устроиться на работу и отдавать зарплату на погашение ипотеки, а на пенсию жить. Но потянуть ещё кредит на недостающую сумму... нет, нереально.

Она выключила компьютер и задумалась. Двадцать лет назад Марья Кузьминична отказалась от доли родительской квартиры в пользу брата. На вырученные от её продажи деньги он купил квартиру в областном центре. Он переезжал, расставшись с первой женой и увозил с собой новую, уже беременную. Было ему в то время уже под полста. Естественно, она его осуждала, но не помочь не могла. Муж Николай, естественно, злился, но права голоса она ему не давала. Теперь бы эта сумма её выручила. Может, попросить брата о помощи? Ладно, за спрос денег не берут.

Назавтра, закрыв счёт, она с сумочкой, прижатой к груди, ехала на автобусе в Уремовск. Открыла новый счёт в новом банке, вздохнула с облегчением и уже пешком отправилась в гости к брату.

– А, Машка, – вяло приветствовал он её. – Чё приехала?

– В больницу, – ответила она. – И ещё кой о чём поговорить надо. Вот такие у меня, Вань, дела...

Брат до пенсии занимал не последнюю должность в областной администрации, возглавлял управление статистики. Сейчас, когда ему уже под семьдесят, из номенклатуры выпал, но там же, в администрации, работал комендантом здания. Жена в управлении образования специалистом, единственная дочь – студентка. Для него это деньги были небольшие.

– В общем, я выпишу тебе расписку, а чтобы ты не сомневался, квартиру твоей Светке по завещанию отпишу. Если несколько лет ещё проживу, получит она её даже уже без долгов. Ну вот, что скажешь, брат?

Он встал с дивана и взял со стола чайник:

– Пойду воды налью. Ты чай будешь?

Он с детства такой. Если ему предложение не нравится, делает вид, что разговора не было. А ведь можно как-то мягче отказать, мол, дела плохи, расходы были, машину разбил, жене бриллианты купил...

– Нет, Ваня, мне пора, – быстренько обулась, оделась и открыла входную дверь. – Прощай.

– Пока.

– Нет, Вань, не пока. Навсегда.

Она и не надеялась. Не должен. Не обязан. Но вот доброе слово сказать мог, какие-то пустые утешения. Ладно, эту страницу перелистнула.

Успела на приём к врачу, и даже анализы сдала. Выходя из лаборатории, затормозила за стоящей посреди лестничной площадки старухой, толкающей инвалидную коляску с дру-

гой старухой. Пассажирский лифт не работал, и множество пациентов толпилось у грузового. Открылись двери, и, отталкивая колясочницу с сопровождающей, толпа рванула в него.

– А ну, назад, – рявкнула Марья Кузьминична. – Грузовой лифт – для носилок и колясок!

– Правду вы говорите, – подхватила санитарка, поставила ведро на пол и нажала кнопку лифта. Зазвенел звонок, и свет в лифте погас. – Вытряхивайтесь, господа ходячие! Эй, парень с костылём, ты оставайся! Въезжайте, дамы на кабриолете!

Марья Кузьминична хмыкнула и пошла вниз по лестнице.

У раздевалки она вновь столкнулась с колясочницей и сопровождающей, на этот раз лицом к лицу. Безусловно, сёстры. Похожи на постаревших обезьянок...

– Мариинки!

– Карпуша!

Одноклассницы. Медучилище закончили 38 лет назад. Сёстры Воловы, Марина и Инна, их на курсе звали Мариинки. А Маша в девичестве была Карпухина, Карпушей её одноклассницы звали. Сёстры местные, Маша – из области, жила в общежитии. Подругами не были, поэтому после окончания училища друг друга не искали. А теперь обрадовались встрече. Сёстры уговорили Марью Кузьминичну заночевать у них, чтобы «наговориться всласть». Она засмеялась:

– До пятницы я абсолютно свободна!

Не так далеко они жили от больницы. Всё в том же родительском доме. Целый квартал старых двухэтажных домов ждал сноса, ветшая. А бедность в этом доме просто вопила. Но при всём том Марью Кузьминичну тронуло, что ни у Инны с ампутированной стопой, ни у Марины, вынужденной vorочать инвалидку, ни разу не прорезалось раздражение на сестру. Вот у неё в семье, вроде, все здоровы, а зла в каждом!

– Представь, ждали расселения, чтобы с первого этажа перебраться, а теперь, когда обезножела, рада, что первый этаж, и что не расселили.

Вспоминали студенческие годы, преподавателей, поездки «на картошку». На втором курсе попали в большое село Рясово, где жили в бетонном бараке, называемом почему-то «яровизатором».

– Там картофель перед посадкой выдерживали, чтобы быстрее прорастал, – сказала Инна.

– На нарах?

– Нет, нары к нашему приезду сбивали.

– А ты откуда знаешь? А, у вас же там родня... помню, тётка с дядькой, мы ещё к ним в баню как-то ходили. А потом селёдку с картошкой ели. После совхозной столовки так вкусно показалось!

– Ты меня ещё учила селёдку чистить! Помнишь, сказала: не хватайся за хвост, вспоминай Ваньку Жукова!

– Не помню, – засмеялась Марья Кузьминична.

– Ага, «ейной мордой начала меня в харю тыкать». До сих пор, как берусь за селёдку, так вспоминаю Ваньку Жукова... и тебя!

– А я иногда вспоминаю Рясово. Само-то оно не бог весть какое: ну, совхозные двухэтажки, коттеджи для начальства, поближе к реке – домики попроще и постарше. А вот где родня ваша жила – райское место! За логом, от села в отдалении на высоком берегу ряд домов. Некоторые старенькие, столетние, наверное, как у вашей родни – красного кирпича, с маленькими окошками, приземистые. Жив домик-то ещё, не знаете?

– О-хо-хо, – вздохнула Марина. – Наша боль.

– Что так?

Сёстры Воловы, перебывая друг друга, принялись рассказывать, какая беда приключилась с этой сельской улицей, называемой теперь деревней Второе Рясово. Домик-то им в наследство достался от бездетных тёти с дядей. Хотя и далеко, в соседней области, а продавать не захотели. Там километрах в двадцати в райцентре Пружинск проживает Олежек, сын

покойного брата, вот он за домиком и приглядывал, огородом пользовался. Летом они все там отдыхали, родня, пока жива была, даже из Москвы наезжала. Часто рыбаки на постой просились. Чтобы всем места хватало, Олег даже прикупил пару деревянных разборных домиков в Ссёлках, селе на противоположном берегу, когда там пионерский лагерь закрыли, и во дворе поставил. А пять лет назад случилась экологическая катастрофа. Так совпало, что выше по течению в соседнем селе решили подвесной мост соорудить. И под его опоры часть высокого берега счистили. И в это же время ещё выше по течению, где несколько лет назад была дамба построена, чтобы уровень воды в черте соседнего города поднять, вода в половодье стала берег подтачивать, да так, что подобралась вплотную к шоссе. И пришлось в спешном порядке военных вызывать и дамбу взрывать. Там перепад был незначительный, метра два, но этого хватило, чтобы русло пошло не туда. Вал воды переметнулся через площадку, подготовленную под опоры подвесного моста, прорвал земельную перемычку, попал в овраг и пронёсся, сметая плодородную почву.

– В общем, наша Тихая Ряса шумно прокатилась по логу, о котором ты вспомнила, и далее слилась с собою прежней. И оказалось наше Второе Рясово островом. Островом Невезения. На пологом берегу реки – огороды, плавно поднимающиеся к домам, а фасады домов смотрят на дорогу, которая идёт по высокому берегу старицы, – сказала Марина.

– Дорогу, ведущую в никуда, – добавила Инна. – Старица тоже не всегда старица. Чаше это залив, который тянется от того места, где появилось новое русло, и до порогов. А когда осадков мало, то у асфальта залив заканчивается, и появляется перешеек к противоположному берегу. А дальше – старица в форме полумесяца.

– Да, асфальт уходит в реку, представляешь? Раньше дорога от сельсовета проходила по логу и подымалась на высокий берег, заканчиваясь площадкой за нашим домом. Теперь дорога выходит из воды, подымается на самую верхнюю точку Верхнего Рясова, где дом москвича Тимофея, проходит мимо всех домов и упирается в пороги. Помнишь, где прежде вода бурлила? Там каменистое дно было, которое летом теперь обнажено. В сухое время там дорога проходит. Сделали грунтовую дорогу от шоссе на Ссёлки. Но в половодку через пороги вода идёт, и жители Второго Рясова оказываются отрезанными от мира.

– Как же люди там живут?

– Так и живут. Кто не уехал, тот приспособился.

– А многие уехали?

– Ну... 5 домов вывезли, 2 пустых стоят. Но в трёх москвичи, так что считай... В четырёх домах коренные жители... ясное дело, старики. 6 человек. А всего живут сейчас 10 человек.

– А что за москвичи?

– Да мы их только по рассказам племянника знаем. Чёрные риелторы столичные за бесценок купили четыре дома. Нам вот тоже 60 тысяч предлагали. Но Олег сказал, что лучше он бульдозером дедово наследство с землёй сравняет, чем за такое душегубство деньги получит. Привозили алкашей да стариков. Мало кто зиме переживал. Сейчас один Тимофей остался.

– А как же ты говорила... москвичи?

– Их так называют. А на самом деле там алкашка и одна супружеская пара из областного центра, из Новогорска. Видно, у москвичей по дешёвке дома перекупили тамошние живодёры, теперь своих стариков и алкашей облапошивают.

– Значит, жить там всё-таки можно?

– Ой, Маша, там из благ цивилизации – только электричество. Отдать должное, поставили новый трансформатор, счётчики в нём, чтобы энергию не воровали. А всё остальное... за водой к роднику спускаться, а это карабкаться потом с ведром на очень приличную высоту. А когда обледенение – вообще ужас. В Рясово газ. А во Втором – дрова, которые обходятся в немыслимые деньги. Магазин – в Ссёлках. Почти пять километров. Это если пройти можно. Так что мука, сухари, консервы, концентраты запасаются в немыслимых количествах.

– А я бы на такое подписалась, – сорвалось у неё это с языка.

– Не выдумывай, Маша!

– Ох, Марииночки, пожили бы вы впятером в двух комнатах, захотелось бы и вам на остров!

– Так какие проблемы, поживи и оцени!

Назавтра рано утром к тёткам заехал племянник Олег. Возвращался с женой из Москвы, ездил картошкой торговать. Тётки принялись накрывать стол, гостя закрылась в ванной, а Олег занялся хозяйственными делами: прочистить сифон, заменить перегоревшие лампочки, выбить ковёр.

За столом зашёл разговор о деревенском доме. Жена племянника руками замахала:

– Мы что, риелторы московские, пенсионеров облапошивать? В своё время не продали, а теперь уж чего? Поживите так, нам же спокойнее будет. Я Олега ругаю, что туда мотается, а ему родовое гнездо жалко. Через Ссёлки теперь туда только можно ехать, а это крюк километров пятнадцать. В прошлом году только перестал огород сажать.

– Ладно, съезжу, посмотрю, тогда уж решу.

– Так давайте с нами, сразу и посмотрите!

До Пружинска доехали на тентованой «Газели» часа за два. Марья Кузьминична малость приуныла: это не на дачу съездить. Подъехали к дому Воловых, Олег сказал:

– Выйдите покуда, разомнитесь. Я только мотоблок загружу.

Жена вздохнула:

– Грузи уж сразу и семенную картошку.

– Зачем? – растерялась Марья Кузьминична.

– Если жить будете, то как без огорода? Ну, а откажетесь...

Нет, она не откажется! Когда за Ссёлками машина свернула на грунтовую дорогу, вдалеке показался сосновый лесок. Потом еще некоторое время ехали вдоль оврага, потом внизу показалась вода. А на берегу у воды – бревенчатая банька, не та ли, в которой сорок лет назад они студентками мылись? Впереди над водой – высокий берег, а на нем домики. И свой домик она сразу узнала, вспомнила! Вот именно свой! А когда проехали так называемые пороги, у которых плескалась вода, въехали по ведущей на холм дороге, миновали крайний домик и остановились у палисадника следующего, Марья Кузьминична уже твёрдо знала, что будет здесь жить.

Из террасы дверь вела в коридор, по бокам две двери; одна вела в отапливаемую часть дома, небольшую, метров двадцати комнату, посреди которой стояла печь; другая – в неотапливаемую горницу. В горнице пахло пылью, в доме – сыростью.

– Сейчас протоплю, – решительно сказала Марья Кузьминична. – Эх, переодеться не во что!

– Вон, в шкафу много одежды, – сказал Олег. – Тут и тётушек моих, и жены. Всё чистое, разве что отсырело. Не побрезгуйте. А я на огород.

Она затопила печь, пошла вслед за Олегом, стала дёргать сухие длинноствольные сорняки и носить их в кучу. Пришла соседка из крайнего дома, маленькая старушка в возрасте за семьдесят, представилась: «Лена», потом нерешительно начала:

– Олежек...

– Да вспашу, тётя Лена!

Она присоединилась к Марье Кузьминичне, Олег затрещал мотоблоком, через некоторое время подошла ещё одна старуха, грузная и рослая, помахала Олегу рукой, он мотнул головой, и она взялась за грабли. Её Лена называла Паней. Чувствовалось между бабками какое-то напряжение, словно не поделили что-то. Потом пришла женщина помоложе, её старухи называли Маруськой, позже Марья Кузьминична узнала, что ей и пятидесяти нет. Но на столько она не выглядела. Марья Кузьминична поняла, что это та алкашка из Новогорска, о которой Мариинки рассказывали. Лена стала рассказывать, что «у москвичей река огороды срезала вчистую,

и Маруська на соседнем участке сажается, откуда дом в Рясово перевезли», и глядела на Марью Кузьминичну вопросительно. Та даже не сразу поняла, а поняв, махнула рукой:

– Не мне у вас порядки наводить! Да и земли достаточно – уработаюсь!

В общем, Олег до темноты бы пахал огороды, но пришёл москвич Тимофей и его сменил. Олег уснул в горнице, а старухи скородили, а потом сажали картошку. Сажали под плужок, за лошадь ходила Маруська. Марью Кузьминичну отпустили убираться в доме и следить за печью, только иногда она выходила сменить Маруську. Закатывая мотоблок в машину, Олег одобрительно сказал:

– Я думал, вы горожанка, а вы и с печкой управляться можете!

– Велик город – Утятин, я сама до сорока лет царице кланялась.

– Моя мама тоже так про печку говорила, – тепло улыбнулся Олег.

Переночевав в Пружинске у Воловых, она вернулась на следующий день в Утятин и уже планировала, что перевезти в своё новое жильё, и тут эти беда с Наташей...

А теперь, после освобождения Наташи, Марья Кузьминична стала собираться во Второе Рясово, «в свой дом», как она себе говорила. И пару раз съездила, каждый раз на два-три дня, постепенно обживаясь и составляя список, что перевезти сюда. Постепенно знакомилась с односельчанами. Уже знала, что по субботам мужики топят баню и первыми моются, а потом идут старухи. И все несут с собой по несколько полешек. Около бани – родник, ходила к нему с двумя пятилитровыми пластиковыми бутылками, больше за раз ей не утащить. Зато как она здесь спала! Как наслаждалась тишиной! Как-то топталась на площадке напротив дома. Подошли «москвичи» – настоящий москвич Тимофей, нелюдимый мужик лет под сорок, и старик Зимин, что из Новогорска. Зимин спросил, не собирается ли она с обрыва броситься. Марья Кузьминична ответила:

– Тут нужно к зиме колодезный ворот поставить, и на санках воду в пластмассовых флягах поднимать. Один внизу наливает – один наверху принимает. Ну как, вступаете в колхоз или будете единоличниками по тропке скользить?

– Надо подумать, – сказал Тимофей. А Зимин только крикнул.

Когда Олег привёз по её заказу насос, шланги и большие бочки под воду, помогали все. Ставили бочки на фундамент развалившегося угольного сарая, а воду собирались качать из нового русла реки, с конца огорода. Для питья она не годилась, а для хозяйственных нужд – вполне. Правда, только на тёплое время. Зимой, старухи сказали, они снег топят. Когда Олег спросил, с какой стороны краны ставить, она ответила:

– А вот, где тропка, чтобы и Лене, и мне удобно было.

– Ты что, и ей дозволишь воду брать? – спросила с завистью Паня.

– Дерьма жалеть – еды не будет, – ответила Марья Кузьминична, и увидела, как Зимин толкнул Рясова, а тот показал ему большой палец. «Они что, думали, что я исключительно по-французски изъясняюсь?», – подумала.

На середину мая она наметила окончательный переезд. Из последней, как Марья Кузьминична надеялась, поездки она возвращалась уже к вечеру, припоминая, что ещё нужно не забыть. Во дворе у дома её ждал Вова.

– Ты что? – сказала она. – Давай-ка в квартиру поднимемся.

– Не пойду, – упёрся внук. – Там Танька.

– И что тебе Танька?

– Я тебе звонил, а она ругается.

Уточнила, как ругается. Вова объяснил.

– Ладно, я с ней разберусь. Пошли тогда в «Селезень», поужинаем.

– Мне Нюсю забрать надо. И кашей покормить.

– Ладно, пошли за Нюсей, а потом в «Селезень».

Нюся ей обрадовалась:

– Мы купим что-нибудь вкусное и к бабе Жене пойдём?

– Нет, мы пойдём в кафе, и там съедим что-нибудь вкусное.

За столом Нюся спросила:

– А страшная бабушка сюда не придёт?

– Кто?

Вова сказал:

– Ну, я сказать хотел, а мама не разрешает... а баба Аня говорит, «ты бабушке скажи».

– Точнее можно?

Вова молчал, сопя.

– Большой мужик, 12 лет скоро. Научись уж ты не мямлить!

– Бабка Шумова скандалить к ним ходит, – сказала буфетчица, и поставила на стол чашки с чаем. – Правильно Анна Ивановна сказала, нечего от бабушки родной скрывать. Дура старая детей пугает, женщину беспомощную обижает. Какие вам пирожные к чаю?

– Три разных, – ответила Марья Кузьминична. – Мы от всех откусим, и следующий раз будем знать, что заказывать.

– Бабушке, Вове, мне, – ткнула пальцем в пирожные Нюся и облизала его. – Ой, а маме?

– Маме мы домой ещё возьмём, – сказала Марья Кузьминична. У неё сердце колотилось от злости, от безысходности, от жалости к внуку. Прав был Иван Иванович, пока виновного не найдут, невиновным покоя не будет. Придётся пенсионерке следствие вести. Завтра она Наташку пытать будет, и не в ванне, а с ножом к горлу!

Проводила детей до дома, но заходить не стала. Едва доплелась до собственного дома, помылась и спать легла. Сквозь сон слышала, как гремел телевизор, как шумели дети, как громко разговаривали взрослые. Но снова засыпала. Устала.

Утром встала раньше всех. Надо перехватить Наташу и поговорить с ней по дороге на работу. Ещё не собралась, как в дверь позвонили. Кого в такую рань принесло?

Сонька. Стоит, трясётся. В руках полотенце:

– Вот.

Кровавые пятна. Ага, глубокий порез.

– Вы что, на топорах с Мишкой рубились? Я сейчас скорую...

– Я прошу, Марь Кузьминична! Ну, пожалуйста!

– Соня, я ведь медсестра. Тут хирург нужен.

– Ну, Марь Кузми-и-нична-а!

– Садись и зажимай! И чтоб без истерик!

Выскочила в коридор, скомандовала сыну:

– Живо, сверху аптечку доставай! (Аптечка у них в зале на стенке лежала, чтобы дети не добрались).

Схватила телефон:

– Владимир Иванович, вы когда личный приём ведёте? Без формализма? Тогда я вам без формализма скажу: если сегодня Шумова по дороге на рынок на улице Горького у известного вам дома общественный порядок нарушит, внуков моих напугает, то я вашему начальству такой формализм устрою! На каждое слово протокол и жалобу! Вот именно!

– Ишь ты, «моих внуков», – сказал Вова, вынося аптечку. – Ты уже Наташкину байстрючку внучкой считаешь?

– От тебя другого и не ожидала. Ты своего сына бросил, неудивительно, что чужую дочь обзываешь.

– Папа меня бросил? – спросил Ваня.

– Ну, не удивлюсь...

Схватила аптечку и убежала на кухню.

– Соня, теперь никаких работ: ни посуду не мыть, ни уборки, ни тем более, сельхозработ.

– А я на дачу собиралась...

– Не вздумай! И чтоб никаких резиновых перчаток и напальчников! Обещаешь?

– Ну, Марь Кузьминична!

– Соня, ты меня за решётку засадить решила? На скорую!

– Ну, я клянусь! Помогите!

Все собрались и глядели на ужасный Сонин палец. Ваня ныл, дёргал мать за юбку: «Я тоже хочу смотреть!» Татьяна подняла его на руки.

– Вы, наверное, уже на даче управились? Ой, вы шить будете? – спросила Соня.

– Да я там в этом году ни разу не была, – ответила Марья Кузьминична. – А делать я буду, что считаю нужным, – и прыснула. – Ты, Сонь, не подумай, это я не на тебя смеюсь, а на себя. Первый раз за тридцать лет о даче не вспомнила.

– Что, и ни разу не были? А вот вчера вы откуда? Я думала, с дачи.

– Нет, я из гостей. В деревне была.

– А дача как же?

– Далась тебе эта дача! Вова права проср... это самое, профукал, ну и что теперь, всё на себе таскать? Солений, варений с прошлого года осталось, картошку на рынке продают.

– А лук, морковка, свёкла, клубника? А цветочки ваши?

– Всё будет магазинное! Половина города без земли живёт, никто не пропал!

– А, гори оно всё! И я свою брошу!

– Ты, Соня, резко не вставай. Голова закружится. Красное вино есть? Надо выпить стаканчик.

– У меня в доме что горит, то не держится.

Встала и снова на табурет грохнулась: «Ой!». Татьяна взяла из буфета бутылку и налила: «Пей!»

Обуваясь у порога, Марья Кузьминична слышала, как в зале тихо бубнила Татьяна, а Вова ей отвечал:

– Да куда она не денется! Она без своей дачи жить не может!

А она радостно улыбнулась, подумав: «У меня есть дом!»

Натальи с детьми, конечно, уже не было. Зато во дворе встретила Анну Ивановну и получила полную информацию: поздно вечером подростки подпалили дверь Огородниковых; к счастью, ещё позже с дня рождения от подружки возвратилась домой Тонька, из соседней квартиры разводка, у матери сейчас живёт, она залила огонь просто из чайника, соседей будить не стала; бабка Шумова сегодня не была, а участковый заходил, расспрашивал. Бабка приходила не один раз, дети боятся, Наташка в полицию идти отказывается, и бывшей свекрови тоже не велела говорить. Сказал всё-таки Вовка?

– Да нет, это Нюся...

– Золотая девочка, – улыбнулась Анна Ивановна. – Вова твой хороший мальчик, но, ты извини, тихоня. А эта будет матери заступница.

Марья Кузьминична отправилась в Ветошники. Как участковый с бабкой поговорит? А она попробует попугать, в крайнем случае, и за грудки потрясёт. Ишь ты, убийцей Наташу обзывает! Убила овца волка...

Звонила в двери, никто не открыл. В другой половине тоже никого не было. Ну, понятно, дочь и зять бабкины на работе, дочки их, подростки, в школе. Знает девчонок Марья Кузьминична, старшая с Танечкой учится.

Решила дождаться. Через дом тут дед цветами торгует, надо будет семена у него прикупить, в палисаднике посадить. Набрала семян, поболтали, пошёл к калитке проводить. Очень кстати, вот и бабка из-за угла показалась. Увидел её, зашел:

– Вон гадина идёт, даже здороваться не хочу! Прибил кто-то её отродье, выручил.

– Что так?

– Я бы сам его убил, Кузьминична. Ребятишки у нас, подростки. Ну, озоруют. Выйдет кто из взрослых, как водится, шуганёт. А этот всё норовит девчонок то за коленку схватить, то обнять да потискать. Не раз я ему говорил: не подходи! Дети-то, конечно, сейчас другие, не стесняются, хихикают. Но ведь гадко это!

Дед ушёл во двор, а Марья Кузьминична ухватилась за забор, почувствовав приступ сердцебиения. Вот что скрывалось в Наташкиной квартире. Дура, дрянь! «Лекарство от скуки»! Двое детей, надо о них думать, а не кобелей заводить! Решительно направилась навстречу бабке Шумовой:

– А, убийцына свекровка, – подбоченившись, завопила она.

– Ты прекрасно знаешь, кто твоё отродье убил, – достаточно громко ответила ей Марья Кузьминична. – А хочешь, я ему скажу, что это ты проговоришься? Он и тебя прибьёт, чтобы не орала по городу.

У бабки Шумовой клацнули вставные протезы:

– Я ни про кого...

– А зачем на Наташку напраслину возводишь?

– Она зачем Коленьку у себя привечала!

– Детей пугаешь? Я ведь и твоих детей не пожалею. Возьму да расскажу, кто его дочь с Колькой познакомил. Представляешь, как перед смертью внушек твоих Царьковы холуи истерзают?

– Ты что, – бабка схватилась за сердце.

– Вот и води их теперь за ручку!

Повернулась и пошла. Две бабы у соседнего забора стояли, прислушивались. Наверняка кто-то знал, кто-то догадывался. Бабка изливала своё горе, обвиняя невинную, а все молчали. Что-то делать надо, но никак не сообразить, что.

Мчалась не разбирая пути, и очнулась только на площади. Нет, делать что-то надо! Зря бабке всё выложила, она ещё какую-нибудь напраслину возведёт. Дрянь Наташка, а детям она мать! Нельзя, чтобы пострадала.

– К начальству, – бросила она на проходной и рванула в приёмную.

Иван Иванович встретил её в дверях:

– Доложили уже, что Огородникова несётся как ракета! Значит, невестка свои секреты выдала или сама что-то в квартире нашла?

– Хуже. Я знаю, кто убил и за что, но доказать ничего не могу. Поэтому пойду сейчас с убийцей договариваться.

– Да ну? Полиции, значит, не доверяете?

– А вы точно не знаете? Потому что полгорода знает. Вот, слушайте. Кем был Коля Шумов, вы знаете? Я не знала, но сегодня узнала. А могла бы раньше узнать, да не любопытна. Так вот, я хожу в библиотеку всегда примерно в одно и то же время...

– Неужели он любил читать?

– Нет, он любил посещать хореографический зал по средам и воскресеньям в четыре часа.

У Ивана Ивановича с громким треском разломилась в руках ручка.

– Дошло? Он был извращенцем, и ходил туда, где были девочки-подростки. А уж если они были там в гимнастических купальниках, как в балетном кружке, в который и ваша Лиза ходит...

– Хорошо, что кто-то догадался его убить!

– Вас от убийства уберёт? Это я сегодня уже слышала. Его не убивать надо было, а изолировать. А для этого не молчать. Я не раз видела, как хореограф кружка его гоняла, но не придавала значения, думала, что это нежелание мастера показывать незавершённый творческий продукт. А она знала! И должна была родителей предупредить. Наша Танюшка с его племян-

ницей дружит. Если бы мать знала, разве она разрешила бы дочери мотаться в Ветошники? Сегодня их сосед почти открытым текстом мне сказал, что она была в опасности. Но почему раньше не сказал? Подростков, особенно из неполных семей, очень легко может завлечь взрослый мерзавец. Они так нуждаются в отцовской поддержке!

– Не присыпай солью, Кузьминична. Я в разводе, но детей своих не бросаю. Так убийца – мать девочки что ли? Там удары-то неженские были.

– Значит, всё-таки побитый он был? А вы Наташку задерживали зачем тогда?

– Отпустили же! Ладно, рассказывай!

– Так вот, в том доме жил когда-то Серёга Царёк, наш бизнесмен, меценат и депутат. Давно переехал в особняк на Хамских Выселках, но в квартире оставил парализованную мать и ухаживающую за ней сестру. Баба пьянь была, поэтому сыночек бандитом вырос. Но обеспечил ей безбедное существование, чтобы электорат не возбуждать. А внучка очень часто бабку навещала, и оставалась одна, отпуская тётку прогуляться. Вот скажите, вы сам – отец девочек-подростков, возможно такое по доброй воле? А она навещала, и отец не знал.

– А как же неполная семья?

– Да какой он, на фиг, отец! Мать в четырёх стенах заперта, кажется, даже запивает напобое свекрови, сам по бабам и пьянкам, девчонка предоставлена самой себе. Вот и стала добычей педофила. Представьте себе, привязалась к нему. Как рыдала, когда его нашли убитым! А квартира... вы уже поняли? Подцепил дурочку Наташку, чтобы было куда нимфетку водить, а то в Царьковой опасно. Виновата Наташа? Конечно, но только в том, что в людях не разбирается. Ключа она ему не давала. А сколько их сделано, можно узнать у Колькиного зятя. А я и так знаю, минимум три: растеряше Вовке, себе, девчонке. Приходили каждый со своим ключом в утреннее время, когда хозяйка на работе, а дети в школе и садике. Накануне у Кольки Наташа ключ отобрала. Узнала по приметам, что он бабу приводил. А может, догадалась, что за баба. Ну, и как Колька в квартиру попал, господин полицейский?

– Вы думаете, отец взял ключ у девчонки и пришёл в квартиру первым?

– Причём дочь об этом не знала. Иначе кинулась бы эту мразь защищать. Как узнал, неважно.

– А может, неважно и всё остальное? Я Царёва как отец понимаю.

– А я мать и бабушка! И не могу рисковать жизнью детей и их матери! Вы знаете, что их дверь нынче ночью подожгли?

– А нечего было вам бабку пугать!

– А нечего было детей пугать и матери нервы трепать!

Они так орали, что секретарша просунула нос в дверь: «Может, чайку?» Оба отмахнулись, и она поспешно захлопнула дверь.

– В общем, я иду к Царьку и говорю ему, что всё знаю.

– Ага. А он новым ножом делает вам харакири.

– Я всё-таки надеюсь, что он меня послушает и оградит Наташу от злых языков.

Встала и вышла из кабинета.

Марья Кузьминична была уже на полпути к выходу, когда полицейский выскочил из кабинета и заорал вслед:

– Глупая старуха!

– От юного новобрачного слышу!

Парни в дежурке прыснули.

Марья Кузьминична шла быстро, понимая, что если задумается, то сдуется. «А на что я надеялась? – подумала с горечью. – Правосудие – для нас. Вот если бы Вова Кольку убил или, положим, Олег, или старый сосед Шумовых, их бы сходу закатали. И улики бы поискали. Или подделали. А тут отец города, слуга народа!»

Калитку открыл охранник:

– Приглашали?

– Ты пригласишь. Доложи Царёву, Огородникова Марья Кузьминична по его душу явилась.

Доложить он не успел. Видно, сигнал какой-то получил, потому что махнул рукой и входную дверь. А второй охранник, открывший дверь, махнул рукой налево: проходите!

– Значит, Огородникова Марья Кузьминична? По мою душу?

– Она самая, Серёжа. А есть она у тебя?

– Что?

– Душа у тебя есть?

– Вы меня исповедовать пришли?

– Не поп, не имею права. А то спросила бы: что чувствует убийца?

– Чем докажешь?

– А кому доказывать? Тебе? Мне? Так мы с тобой и так всё знаем.

– А если я убийца, что же ты меня не боишься?

– Да, один раз через это переступивши, на следующий раз решиться легче. Только вот... мальчишки кровавые в глазах блазниться не будут?

– Какие мальчишки? Я извращенца убил, паскуду, растлителя малолетних, мир от нечисти избавил!

– А заодно подставил мать с двумя малолетними детьми. Бабка Шумова скандалы закатывает, Наташу обвиняет. Подростки её квартиру пытались ночью поджечь.

– Чего ты хочешь от меня, тётя Маша? Ты не понимаешь, что пришла сюда своими ногами и в целости, а выйдешь в мешках и по частям? Неужели не боишься?

– Как не бояться? Только за Наташу с детьми я больше боюсь. Да и подстраховалась я. Думаешь, никто не знает, что я к тебе пошла?

– Ха! – засунув руки в карманы, Царёв прошёлся по комнате и остановился у окна. Оперся руками на подоконник и замер. Потом повернулся к ней и спросил. – Тебя эта сука продажная послала?

Марья Кузьминична с трудом выбралась из кресла. Вроде, нормально сидела, а ноги затекли от напряжения. Подошла и глянула в окно. У тротуара стояла большая чёрная машина, привалившись к ней, стоял и курил Иван Иванович.

– Меня, старуху, может послать только плохо воспитанный человек. И только туда, куда всех посылают. А сюда я пришла по своей воле. И против его воли.

– Давай телефон!

Она пожала плечами и достала из сумки телефон. Царёв недоумённо повертел в руках простенькую модель, заглянул в сумку и стремительно вышел. Марья Кузьминична увидела, как он лёгкой походкой вышел сбоку, видно, из калитки, подошёл к автомобилю и заговорил с полицейским. Потом Иван Иванович открыл дверцу. У неё сердце оборвалось. Но он только наклонился, достал что-то и вновь дверцу прикрыл. Сигареты. Закурил, протянул пачку Царёву. Тот пожал плечами, повернулся в сторону дома и помахал ей рукой. Она отодвинула штору из органзы, помахала в ответ и снова её задвинула. Царёв повернулся и так же стремительно ушёл. Иван Иванович посмотрел ему вслед, а потом привалился к автомобилю и как-то вяло махнул рукой в сторону окна.

– Как тебе это удаётся, тётя Маша? – войдя в комнату и снова усаживаясь в кресло, спросил Царёв. – С ним же всегда можно было договориться!

– Понятно, – улыбнулась совсем успокоившаяся Марья Кузьминична. – Машина у него крутая, явно не на зарплату купленная. Первой жене и дочерям квартиру оставил. Молодой жене и маленькой дочери сейчас дом строит. Коррупция, блин. Затягивает. Но соучастие в убийстве – на это решиться труднее. То есть на Кольку Шумова он готов был подписаться. Сказал, что как отец тебя понимает. А вот меня расчленять вместе с тобой отказался.

– Два деловых человека тратят время на какую-то пенсионерку. Ладно бы на тёлку, пусть даже и не первой свежести, вроде Наташки твоей! Я обещаю, что от Наташи и её семьи все отстанут, на неё даже тень больше не упадёт. А ты знаешь, что я у неё первым был?

– Но замуж она за тебя не пошла.

– А я, между прочим, звал.

– Знаю, Серёжа. Не очень у неё счастливо жизнь сложилась. Но было бы разве с тобой лучше? Сломал бы ты её как свою нынешнюю!

– А может, не сломал. Может, дочь наша не такой душой была бы. Что мне делать с ней, тётя Маша?

– Она ведь не знает, что это ты?

Он помотал головой.

– Я тебе как медик скажу. То, что подростки в этом возрасте сексом занимаются – увы, обычное дело. Но боюсь, что неопытные сверстники ей теперь не партнёры. Эта тварь разбудила её чувственность. А значит, виться вокруг неё будут извращенцы. Олигархи своих детей в престижные закрытые школы отправляют: в Англию, в Швейцарию. Но ведь она языков не знает и учёбу не тянет? В кого, как думаешь?

Царёв расхохотался:

– Помнишь, тётя Маша, как ты на нас с Валеркой ругалась, когда алгебру объясняла? Валерка, конечно, быстрее чем я понимал. Но дочь моя – это вообще что-то! Ей и репетиторы ничего в башку вбить не могут. Да и бог с ней, с учёбой. Она у меня красивенькая, замуж выйдет, детей родит, хозяйством займётся. Сейчас-то как её выправить?

– Отпусти своих девчонок совсем, Серёжка: жену, дочь, сестру. Да, сестру! Сколько лет она потратила на вашу беспутную мамашу! Найми сиделку, а ей заплати за потраченные годы и отправь туда, куда она пожелает. А если согласится, пусть за невесткой и племянницей следит: извращенцев отогнать, бутылку отобрать. Где-нибудь на море или в лесу пусть живут. Сестра ведь в курсе этой истории?

– Нет, никуда я их теперь не выпущу! Разве что сеструху, тут ты права. Но за племянницей она не уследила!

– Серёжа, дочь свою ты ей не поручал. Сам не уследил.

– Пойдём, познакомлю.

Они прошли через холл и поднялись по лестнице.

– Вот, познакомьтесь, – сказал он. – Это тётя Маша. В детстве она мазала зелёной мои коленки, побольше стал – даже пулю из ноги вынимала, когда я из поджиглота подстрелился. И сейчас уму-разуму учит. Решила, что вам лучше жить на море или в лесу.

Женщина и девочка сидели с заплаканными лицами. Девчонка поглядела на Марию Кузьминичну так испуганно, что она сразу поняла причину этого испуга.

– Девочка моя, что плохого тебе сделал мой внук? А маленькая Нюся? Ты только представь себе, как бы они метались в пламени, как вспыхнули бы волосики малышки, как бы она кричала перед смертью! А тётя Наташа? Она ведь никого не убивала. А ты вдруг решила, что они не должны жить!

Девчонка разревелась. Царёв схватился за голову:

– Сдохну я с вами! Тётя Маша, иди уже! Всё компенсирую, всех изолирую!

Иван Иванович всё так же курил у машины. Увидев её, слабо мотнул головой, подзывая, и набрал кого-то в телефоне, коротко сказал: «Возвращайся» и открыл перед ней дверцу.

– А я бы прошлась, – строптиво сказала она и устроилась на заднем сиденье. – Ну, что стоим, кого ждём?

– Сашку.

Через пять минут из проулка между особняками вынырнул Саша Огородников и устроился рядом с ней. Понятно, там калитка со стороны реки, у неё караулил.

– Ну?

– Обещал всё прикрыть. Не знаю, как. Но я поверила.

– С чего бы? – фыркнул Иван Иванович.

– Они лет пятнадцать соседями по бараку были, – сказал Саша. – Тётя Маша ему больше дала, чем мать и отец.

Не привыкла днём спать, а тут уснула. От волнения, наверное, утомилась. Проснулась через пару часов, и до вечера пребывала в дремотном состоянии. Вечером за столом у Татьяны только и разговоров было, что о подожжённой Наташиной двери. Отдать должное, Вова забеспокоился о сыне.

– Мам, как там Вова? Не обжётся?

– Я не видела, но раз в школу пошёл, значит, обошлось.

– Вот Наташка из-за своих кобелей чуть детей не потеряла, – осуждающе покачала головой Татьяна.

– Пойду посмотрю, как там сын. Мам, ты со мной?

– Нет, устала. Ваню возьми. И хоть пирожки прихвати, как же с пустыми руками!

Татьяна надулась. Марья Кузьминична сказала ей:

– Успокойся, Вова Наташе с рублём в придачу не нужен! Скажи лучше, Танечка вчера во сколько пришла?

– Как же, пришла она! Уже после одиннадцати в горсаду отловили. Одной мне было идти страшно, а Вова скулил всю дорогу.

– Ну, слава богу!

– Что?

– Она ведь в компании обычной своей была: Царёва, племянницы этого Шумова, ещё девочка с волосами разноцветными...

– Ну да...

– Так вот, после двенадцати эти дуры пошли поджигать дверь Огородниковых.

– Боже!

– Неправда, – испуганно пискнула Танечка.

– Ты знала об этом? Знала и собиралась пойти?

– Мама, я их отговаривала! Я не думала, что они на самом деле!

– Ты обязана была сказать дяде Вове! Он тебя растил, кормил, а ты собиралась убить его сына!

– Поменьше при детях взрослых обсуждайте. Знаешь, что она Вове-младшему по телефону сказала? Я, кстати, за это санкции ввела. Проводной телефон отключила. Да, советую вам обоим о поджоге помалкивать в тряпочку. Вова за сына не простит. Всё, кончен разговор.

Через два дня у рынка встретила Сашу. Он её отвёл в сторону и тихо сказал:

– Тётя Маша, знаешь, кто вчера в отделение с повинной явился? Витя Калитин. Предъявил ключ от квартиры и кожаную куртку, в которой убивал. Кровь смыта, но наличие подтвердилось. Рассказал, что Колька в тот день пригласил его на серьёзный разговор, обещал выгодное дело и привёл в Наташину квартиру. А там предложил приводить ему сюда по утрам школьников за хорошие деньги, похвастался, что уже было здесь такое дело. Говорит, себя не помнил, как в морду ему двинул, нож схватил и его проткнул. Потом чисто машинально вышел, квартиру закрыл и домой пошёл. Перечислил, кого по дороге видел. Двое даже вроде вспомнили, что да, встречались. Говорит гладко, противоречий никаких в рассказе.

– Два дня заучивал...

– Он уже всерьёз верит, что всё так и было. А у отделения просто народные гуляния. Бабы предлагают скинуться на адвоката. Соседи подтверждают, что Колька к девочкам-подросткам приставал. В общем, если бы не было у Вити многократных судимостей, отделался

бы минимальным сроком: аффект, добровольное признание, личность жертвы, то-сё... а так, конечно, огребёт...

– Сбылась мечта идиота. Он давно хотел пойти по серьёзной статье.

С утра собирала вещи. Книги все забрала. На кой они молодым? Никто в семье не читает, кроме неё. Будет классику перечитывать осенними и зимними вечерами. Что ещё? Одежду, посуду древнюю, памятную. И стиральную машину «Малютку», автомат без водопровода не работает. Олег звонил, он сейчас на комбинате разгружается, картошку привёз сдавать. Как освободится, за ней заедет. Присела, огляделась. Что нажила, ничего не надо. Долгов нет... а, Сонька! Не пошла за ней, позвонила: давай живо на перевязку! Бросила телефон на подзеркальник и пошла открывать дверь.

– Вы вроде сказали, завтра... а что это за коробки?

– Я уезжаю сегодня, так что уж покажу, как дальше будешь обрабатывать.

– Надолго?

– Насовсем.

– Ой!

– Так что кончай свои ролевые игры, перевязывать больше некому.

– К Валере?

– Нет.

– А к кому?

– Ни к кому, одна жить хочу. Ты чего ревёшь, неужто больно?

Сонька помотала головой, всё ещё всхлипывая:

– А куда?

– На один малообитаемый остров.

Звонок. Олег приехал. Стали втроём вещи носить.

– Что ж так мало берёте, – робко спросила Сонька.

– Это всё, что снял Робинзон со своего затонувшего корабля.

Стояли у соседнего подъезда бабки, наблюдали за погрузкой. Марья Кузьминична сказала: «Ну, всё, Сонь, прощай», обняла её и полезла в машину. Сонька снова заплакала и пошла к кучкующимся соседкам. Когда доехали до угла, Марья Кузьминична охнула:

– Телефон!

– Вернуться?

– Ну, нет, – представив себе, как воспримут это соседки, сказала она. – Давай у магазина остановимся. Возвращаться – плохая примета. Да и аппарат старый, – это она вспомнила, как Царёк с недоумением вертел его в руках. Вышла из машины и столкнулась с Вовой и Нюсей. Хлопнула себя по лбу

– Олег, ты ведь в этом понимаешь? День рождения у внука скоро. Вот деньги, купи мне, что попроще, а Вове – чтобы не крутой, который старшие отберут, и не позорный, чтобы ровесники не дразнили. Вова, иди с дядей Олегом. А мы с Нюсей пока рассаду купим.

– А я уже маме позвонил, – похвастался Вова, когда они с Нюсей вернулись к машине. – Смотри, Нюся, телефон!

– А-а, – протянула она без интереса. И радостно похвалилась. – А мы с бабушкой купили вот: куколку, киндер, сумочку!

Из-за угла выскочила взмыленная Наташа:

– Что же вы ничего не сказали!

– Дальние провода – лишние слёзы. Береги детей, Наташа! Что там за спонсор в вашем доме, о котором Нюся говорит?

– Серёжка Царёв. Железные двери с домофоном в подъезд, и нам железную входную как пострадавшим.

– Приставал?

– К Нюсе. Она с ним поздоровалась: «Здрасьте, дядя Спонсор», соседки так его называли, а он её спрашивает: «Тебе папа не нужен?» А она ему: «Не, папа не нужен, они сердитые, дедушка нужен». Отказался, говорит, дедушкой не хочу. Вот и всё. Говорят, всю семью куда-то увёз. Вы не думайте, мне он не нужен. Да и я ему не по статусу.

Как только выехали за город, Марья Кузьминична привалилась к дверце, вспомнила, что на завтра наметила посадить в палисаднике цветы, и уснула со счастливой улыбкой на лице. Олег иногда поглядывал, недоумевая. Вроде, добрая тётка, не жадная. И родные её любят. Но бросила телефон, в котором все контакты, и уезжает тайком, ничего никому не сказав. И радуется, что уехала.

Лето. «Когда Адам пахал, а Ева пряла»

Марья Кузьминична колола дрова. Затянула она с этим делом. По весне, когда их только привезли, были они сырыми. Когда просохли, тут и земля просохла. Огород, некогда на другие дела отвлекаться. Потом Мариинки в гости приехали, решились наконец. Планировали дня на три, а задержались почти на две недели. Местные старухи устроили им трогательную встречу с причитаниями и угощениями, ведь знали они их с детства и до старости, только последние шесть лет не виделись. В субботу сёстры даже к бане спустились. Правда, брали с собой складной стульчик, и на обратном пути несколько раз присаживались, Марина даже чаще Инны – сердце. А Инна уже довольно прилично ковыляла на протезе. Перед отъездом Инна сказала:

– Меня всё совесть мучила, что ты из жалости к нашей бедности у нас дом купила. А теперь я спокойна: в доме душа есть. Сколько ты всего за этот год сделала! Доживём до следующего лета – обязательно ещё приедем.

Вот теперь надо спешить. Сын Валера с Дальнего Востока прилетает с семьёй. Обещал только на четыре дня, больше не получается – путёвка у них на море. Непонятно, чего ради ехать с моря – да на море. Увидит, что дела не сделаны – кинется помогать. А зачем ей это, она и сама справится. Не любит Марья Кузьминична одалживаться. Предлагал Тимофей помощь – она отказалась. Он ведь денег не возьмёт. Нет уж, сама пока в силах.

А вот и Женя позвонила. Фоном – рёв Нюси.

– Что случилось?

Оказывается, Валера уже приехал и к тётке в гости пришёл. А у неё сейчас Нюся «срок отбывает», садик-то на ремонте. И Вова здесь же оказался. Дядька позвал Вову к бабушке, а Нюся негодует, почему её не берут, в бабушкиной деревне ведь её все ждут!

– Валера, я за детишками потом после твоего отъезда сама приеду. Вчетвером вы как раз в такси поместитесь, а если с Вовой – это уже придётся от Пружинска или две машины брать, или микроавтобус. Да и в няньках он, если сад не работает. Нет, мест тут на всех хватит, у меня во дворе ещё два летних домика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.